

М.Г. Смольянинова

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН —
ХУДОЖНИК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Солженицын создал художественную летопись российской истории XX века, в которой отражены события Первой мировой войны, революции, сталинщины. Он хотел быть памятью народа, который постигла большая беда. И это ему удалось. Многие его произведения посвящены страданиям миллионов жертв беззакония, попавших в советские тюрьмы и лагеря (рассказ «Один день Ивана Денисовича», роман «В круге первом», эпопея «Красное Колесо», художественное исследование «Архипелаг ГУЛАГ»).

В первом рассказе «Один день Ивана Денисовича», вышедшем в 1962 году, писатель поведал нам о судьбе обычного крестьянина, солдата Шухова. Рассказ о тяжелых днях лагерной жизни ведется поразительно сдержанно. Автор не показывает физических страданий героев, избегая натурализма, он не стремится поразить воображение читателя избытком всевозможных ужасов. Не торопясь, спокойно и обстоятельно он прослеживает только один день в лагере. Ни разу на протяжении всего повествования автор не вмешивается в события и абсолютно ничего не объясняет.

Солженицыну пришлось провести одиннадцать лет в лагерях, тюрьмах, в ссылке, чтобы описать нам только семнадцать часов жизни заключенного. Биография писателя оказала влияние на его литературную деятельность. Но автобиографичен ли этот рассказ? Иван Денисович отличается от автора и по своему социальному положению, и по своей биографии, и по мировосприятию. Простой колхозник Шухов совсем не похож на офицера, преподавателя, писателя Солженицына (точно так же как Эмма Бовари — на Флобера). И в то же время — это он! Автор как бы перевоплощается в своего героя и ведет рассказ от его имени, его языком. Он целиком сливается с Шуховым — вот почему мы видим всё глазами Ивана Денисовича, слышим не более того, что слышит герой. Рассказ — внутренний монолог Ивана Денисовича, который ведется в третьем лице. Результат слияния внутреннего монолога и объективного описания воистину поразителен: мысли Шухова, его боль, тревога становятся нашими. Солженицына в рассказе невозможно найти даже в самом замаскированном виде. Он всюду, но не заметен. Именно в этом огромное мастерство писателя. Отношение

автора к изображаемым событиям не декларативное. Оно выявляется в художественных средствах, в построении сюжета, в создании характеров, своеобразии языка. Одним словом, во всем том, что является идейно-художественной ценностью произведения.

Автор раскрывает трагедию обыкновенных людей, ставших жертвами безжалостной системы. Каждый день Шухов сталкивается с несправедливостью, бесправием, грубостью начальства. Срок Шухова — три тысячи шестьсот пятьдесят три дня. Отсчет дней в конце рассказа не случаен. Лагерное время — бескрайнее, поглотившее ощущение хода действительного времени. В лагере календарное время как бы не существует. Ни у кого из заключенных нет часов, и все подчинено звонкам. Автор постоянно заставляет нас чувствовать, что часы не имеют ничего общего с тем пониманием времени, которое характерно для Шухова. Он заставляет читателя жить ритмом Шухова, ритмом лагеря.

А. Солженицын не следует традиционной разбивке на главы. Течет непрерывный рассказ, как неумолимая цепь трудов и дней. Такое построение отвечает идейному замыслу автора — осветить трагедию простых людей. Самое страшное в этой трагедии то, что она ежедневна, обычна, бесконечна. Рассказ начинается и заканчивается Шуховым. Сначала — мелкие хлопоты, обычные грубости, придирки надзирателей. Затем кульминация — в момент, когда бригада Шухова охвачена энтузиазмом в совместном труде. И наконец снова спад, снова несправедливость, бесчеловечность. Для Шухова этот день был «почти счастливым». Он и построен как цепь «удач» Ивана Денисовича, чем еще сильнее подчеркивается картина невыносимого бесправия.

Введение счета времени в конце книги не случайно — в этом тоже особенность и сложность композиции. Иван Денисович приходит утром в санчасть и проводит там считанные минуты. В этом отрывке Шухов (привыкший жить в холоде, в бараках, зараженных клопами) как бы замер, чтобы продлить несколько мгновений, проведенных им в белой тихой комнате. Весь рассказ «Один день Ивана Денисовича» состоит из перемежающихся убыстрений и замедлений времени. Причем эти убыстрения и замедления измеряются не количеством страниц, посвященных тому или другому моменту, а впечатлением, которое получается от чтения. Например, есть сравнительно длинный отрывок (он занимает четвертую часть рассказа), во время которого мы видим заключенных на постройке ТЭЦ. Сцена написана в напряженном, поднимающемся ритме. У читателя, как и у Ивана Денисовича, ощущение, что с утра прошло очень мало времени. Наоборот, несколько минут, посвященных еде в теплой столовой, куда приходит замерзший и голодный Шухов, растягиваются. Время как бы остановилось, чтобы дать возможность человеку проникнуться

приятным опущением этих минут. Рассказ изобилует такого рода смещениями времени, которые заставляют читателя жить ритмом лагеря, ритмом Шухова. Кажется, что время лагеря — время неопределенное и бесконечное — поглотило всякое ощущение течения действительного времени.

Но одновременно А. Солженицын уточняет время действия происходящего, восстанавливая этим перспективу действительности, «историческое время». Это делается косвенным путем: например написанием обстоятельств, при которых многие действующие лица рассказа были арестованы. И перед читателем постепенно вырисовывается внешняя жизнь, внешний мир, каким он предстает глазам лагерника Шухова. От зоркого взгляда бывшего колхозника Шухова, привыкшего по-хозяйски относиться к коллективному имуществу, не ускользают бездействующие неисправные машины на ТЭЦ, бесхозяйственность, расточительство.

А. Солженицын заставляет читателя размышлять. Соединив воедино различные отражения внешнего мира, читатель поймет противоречивую действительность тех лет. Наиболее ярко эта противоречивость сказалась в описании трудового подъема небольшого коллектива заключенных на строительстве теплоэлектростанции. Ради труда бригадники идут на риск и делают недозволенное в лагере: Шухов прячет от охраны необходимые для работы инструменты, вместе с Сенькой Клевшиным задерживается после работы; они отстают от идущей на поверку бригады. За все это они могут быть наказаны, оставлены без еды, посажены в карцер, но никто этого не боится. Они нашли себя, изменив самую природу труда: из подневольного сделали его своим, радостным, созидательным.

Необычайная сжатость, лаконизм — основной художественный принцип Солженицына. Это — одно из несомненных художественных достоинств рассказа. Искусство ограничиться самым необходимым проявляется, например, в анализе политической обстановки тех лет. В рассказе, посвященном жертвам культа Сталина, имя Сталина не произнесено ни разу. Автор верен своему методу: он не показывает пальцем на виновного. Обвинение идет само собой, всем ходом повествования. Стремление к точным, сжатым зарисовкам заметно и в области психологического анализа. Несколькими штрихами Солженицын создает картины, в которых проявляется одно из самых тонких и благородных чувств человека: желание в тяжелейших условиях сохранить достоинство и самоуважение (Шухов, снимающий шапку перед едой; Шухов, старающийся не смотреть на сигарету, которую курит его сосед). Умение создать тонкий психологический рисунок скупыми средствами — ведущая черта таланта Солженицына.

Немаловажную роль при создании характеров играет портрет. У А. Солженицына портрет тоже всегда крайне лаконичен и выразителен. Он дает представление не столько о внешности, сколько о характере человека. Под номерами и одинаковыми лагерными бушлатами — разные люди. О некоторых из них сказано в рассказе мельком, всего-то по несколько слов, но так ярко, что они встают перед нами как живые. Несколькими штрихами намечен портрет Ивана Денисовича, и перед нами предстает образ человека простого, доброго.

Суровый, волевой характер бригадира Тюрина передан в его портрете, выполненном скульптурно. Нередко в рассказе «Один день Ивана Денисовича» только портрет является средством создания характера. Например, портрет безымянного старика «Ю-81». Портрет позволяет художнику создать строго индивидуализированные неповторимые характеры.

Важную роль в создании образов рассказа А. Солженицын отводит речевой характеристике. Речь каждого персонажа очень продуманна, индивидуализирована. Недавно пришедший из флота Буйновский перемежает свою речь морской терминологией («аврал», «краснофлотцы», «салага»), Алешка-баптист — библейскими изречениями. Московский литературный язык, который так удивляет Шухова, мы услышим от помощника бригадира Павло. Речь автора сходна по лексике и эмоциональности с речью Шухова. Мы говорили о слиянии автора с героем рассказа. Это и определило язык всего рассказа, который является результатом проникновения писателя в духовный мир Ивана Шухова. Иван Денисович за восемь лет начал забывать некоторые слова родного языка (например, он не помнит слова «обыск», заменив его словом «шмон»). Жаргон становится средством психологического анализа, играет большую роль в утверждении общей обличительной тенденции рассказа.

В идейном и художественном отношении велика роль пейзажа: он используется автором для усиления драматизма ситуации. Красное зимнее солнце, прорывающееся через колючую — в несколько рядов — проволоку... Мерцание звезд, перечеркнутое тревожным бьющим светом прожекторов... Вопиющая противоестественность есть в сближении этих резко контрастных образов. Звезды и солнце отняты у советских людей, насильственно и незаконно оторванных от любимого дела, от дома и семьи, от родной природы. Пейзаж обычно нарисован резкими красками. Все это создает впечатление трагического. Пейзаж не просто воспроизводит обстановку, в которой живут и работают узники, но как бы оттеняет трагическое содержание рассказа, будучи тесно связанным с сюжетом.

Если главным героем «Одного дня Ивана Денисовича» является крестьянин, то в романе «В круге первом» жертвы беззаконий — ученые. Эти заключенные работают в научном институте-тюрьме (в круге первом гулаговского ада). Все герои романа имеют свои прообразы. Прототип Нержина — сам автор, прототип «очищенного марксиста» Рубина — известный литературовед, германист Лев Копелев. А прообраз Сологодина — инженер и философ Димитрий Панин. Роман «В круге первом» — полифонический, в нем свыше сорока героев. Вступление и конец романа связаны с судьбой молодого дипломата Иннокентия Володина. Разум и совесть заставили героя совершить порядочный, но опасный поступок, который обернулся для него злом тюрьмы. Иннокентий (это имя в переводе с латыни означает «невинный») становится жертвой не только бесчеловеческого режима, но и тех ученых, которые, работая в институте, создали методику распознавания голосов. Это они помогли карательным органам вычислить дипломата Володина, звонившего по телефону. Герои романа — Рубин, Сологдин, Нержин — задаются сакраментальным вопросом: можно ли, совестно ли выполнять любое задание тюремного начальства (в частности: делать аппараты для слежки за своими согражданами или приспособления для подслушивания таких же честных людей, как они сами)? Каждый находит свой ответ. Рубин соглашается на сотрудничество с палачами. Сологдин пытается найти обходной маневр. А вот Нержин отказывается от сотрудничества с подонками, хотя знает наверняка, что этот отказ приведет его из «первого круга» ада на самое дно его — в кромешный ад. Из относительно теплого, сытого первого круга ада его вышвырнут в холод и голод сибирских лагерей. Но он сознательно идет на самопожертвование, ибо знает о своем предназначении — рассказать правду своему народу и всему миру.

Нержин оказывается на одном из островов Архипелага ГУЛАГа.

В жутком аду под названием «Архипелаг ГУЛАГ» читатель узнает о новых бесчисленных жертвах звериной системы — учителей, инженерах, врачах, поэтах, крестьянах, рабочих, интеллигентах, служителях церкви, солдатах, переживших ужасы нацистских лагерей, а потом попавших в советские. В этом великом произведении жертва — весь народ нашей страны. Пощады нет никому — ни старым, ни малым. Одна из самых страшных, самых потрясающих глав «Архипелага...» — глава «Малолетки». Жертвами системы стали дети. В 1935 году был издан сталинский указ, по которому разрешалось арестовывать, бросать в тюрьмы и лагеря, расстреливать детей начиная с 12 лет. Вина иных детей заключалась в том, что, голодные, они собирали колоски, оставшиеся на полях после уборки урожая. Другие могли брякнуть неосторожное слово, ибо не обуял их еще страх взрослых. В этом случае им

уже грозил расстрел, а не 5–10 лет тюрьмы или лагерей. В лагерях из малолеток формировали настоящих уголовников.

В «Архипелаге...» Солженицын поведал обо всей тюремной системе, арестах, следствии, судах, тюрьмах, лагерях, этапах, ссылках, унижениях, издевательствах, избияниях, карцерах. Автор собрал и систематизировал свидетельства сотен эзков и художественно исследовал историю беззаконий в России XX века. В книге много тонких психологических наблюдений, запоминающихся, ярких характеров, сатирических умозаключений. Книга «Архипелаг ГУЛАГ» — подвиг писателя. И памятник бесчисленным невинным жертвам, которым посвящена она. Подвиг — потому что Солженицын проделал титаническую научную работу. Он много работал в библиотеках, архивах. Совершенно заслуженно в 1997 году он был избран действительным членом Российской академии наук. Создание и хранение «Архипелага...» в «укровище», а также издание произведения за рубежом — смелость, ибо автора могли вновь арестовать и лишить жизни.

Расскажу о том, какую роль сыграли сочинения Александра Исаевича в моей судьбе. В 1962 году я училась на филологическом факультете Московского университета им. М.В. Ломоносова. Пришло время выбирать тему дипломной работы. Когда в «Новом мире» был опубликован «Один день Ивана Денисовича», я прочитала его. И была потрясена. В рассказе (в журнальной публикации он был назван повестью) сочеталась историческая правда и высокая художественность. Именно об этом писателе, об этом произведении я решила писать диплом. И через полгода — 29 мая 1963 года — я защитила диплом на «отлично».

Из газеты «Московский университет» пришел молодой журналист и спросил у членов экзаменационной комиссии: «Какая защита сегодня была самой интересной?» И преподаватели единодушно ответили: «Защита Марины Панковой (я тогда носила фамилию мамы, а не отца) — “Повесть А. Солженицына ‘Один день Ивана Денисовича’”». Журналист взял у меня интервью и пообещал, что через неделю принесет мне газету «Московский университет» с публикацией. Но через неделю он мне позвонил и сказал, что материал не пропускают. Не разрешают напечатать. Думаю, что дело было не во мне, а в Солженицыне. Уже тогда начали ставить ему палки в колеса. Я рассказала журналисту о том, какие «личные мотивы» побудили меня писать диплом о замечательном произведении никому не известного дотоле писателя.

В детском саду я кричала по просьбе воспитательницы вместе с другими пятилетними детьми: «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство!» Разумеется, я не знала, что мой папа был расстрелян, когда мне было три месяца (а папе — 29 лет), что мама сидела в тюрьме, что дед мой умер в ГУЛАГе. Все они были позднее реабили-

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

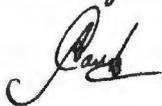
МОСКОВСКИЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА
студентки
филологического факультета
/заочного отделения/
ПАПКОВОЙ М.Г.

ПОВЕСТЬ А. СОЛЖЕНИЦИНА
"ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА"

Марине Папковой
при неопределенном знакомстве

22.1.64.

Научный руководитель
кандидат филологических наук
АПУХТИНА В.А.

Москва, 1963 год

Обложка дипломной работы М.Г. Папковой с автографом А.И. Солженицына. Москва.
1963. Архив М.Г. Смольяниновой

тированы (дед и папа — посмертно) «за отсутствием состава преступления». В справке о реабилитации отца написано: «приговор отменен». Приговор отменить можно. Воскресить человека нельзя. Мама была в заключении 527 дней. Потом ее освободили. И папа, и мама были литературоведами, научными сотрудниками Института мировой литературы имени А.М. Горького АН СССР. Мама никогда мне не рассказывала о своих страданиях. Берегла детскую психику. Когда в детстве я спрашивала: «Где мой папа?» — она отвечала: «Он умер от разрыва сердца» (тогда не употребляли слово «инфаркт»). Я узнала правду только в восемнадцать лет.

В январе 1964 года я познакомилась с Александром Исаевичем. Он приехал из Рязани в Москву и ежедневно читал газеты в Фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР (ФБОН АН СССР). А я работала в читальном зале этой библиотеки, выдавала книги читателям. Солженицын читал русские газеты 1914–1915 годов. Вероятно, собирал материалы для своих произведений. 22 января 1964 года я принесла в библиотеку свой диплом и показала его Александру Исаевичу. Он захотел его почитать. Вечером вернул диплом, сказав, что «исследование очень интересное». Обратил внимание на те главы, которые ему особенно понравились. Он попросил передать привет Вере Александровне Апухтиной (моему научному руководителю). Извинился, что не ответил на ее письмо, ибо не было времени. Оставил свой автограф на дипломе.

Когда Солженицына выдворили из СССР, он основал «Всероссийскую мемуарную библиотеку». В 1977 году он обратился к русским эмигрантам с призывом писать воспоминания о своей жизни. И мои родственники — Кривошеины — откликнулись на этот призыв писателя! Таким образом Александр Солженицын стал крестным отцом их замечательных книг (Н.А. Кривошеина. «Четыре трети нашей жизни», вышедшей и во Франции, и в России; Н.И. Кривошеин. «Дважды француз Советского Союза», Нижний Новгород, 2014). 19–20 ноября 2017 года в Варшавском университете состоялась конференция «Александр Солженицын и русская эмиграция», на которой я зачитала доклад «Александр Солженицын и русские эмигранты Кривошеины». Сборник докладов напечатан в 2018 году¹. Мною опубликован ряд статей о творчестве А. Солженицына в Болгарии. Я болгарист, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

В 1992 году я отослала письмо Александру Исаевичу в США, в штат Вермонт, где он тогда жил. Рассказала о судьбе моих родителей. Вместе с письмом послала ему свою статью о его творчестве, напечатанную в болгарской газете «Литературен форум». Писатель ответил мне. Письмо написано 17 июля 1992 года.

17.7.92

Уважаемая Мария Геннадьевна!

Получив и письмо Ваше и все приложения, а также - письмо от Вашей родственницы Миллицы Борисовны /с трогательным описанием сегодняшней ситуации у разрушенного слепа, при памяти крестьян-стариков/.

Встречу наизусть с Вами - смутно припоминаю. Изабеллу Мехову и В.Г. Ромашову хорошо помню. Вот как попал Ваш отец! - да, уверяю, что из-за дневников Горького. Воспоминания Вашей мамы - мне лично уже не пригодятся, творческой темой давно не занят. Но Ваза мама, если захочет - может когда-нибудь передать их на хранение в Мемуарную Библиотеку, основанную мной в 1977, она со временем переедет в Россию, сейчас там мое представительство. Болгарскую статью Вашу просмотрел, перевода присылать не надо.

Спасибо. Всего Вам доброго.

А.Солженицын

А.И. Солженицын — М.Г. Смольяниновой. Вермонт. 17 июля 1992.

Архив М.Г. Смольяниновой

Когда Александр Исаевич вернулся на родину в 1994 году, он неоднократно выступал по телевидению, регулярно вел беседы с интересными людьми. И вдруг осенью 1995 года эти передачи прекратились. Писателя отлучили от эфира. Я написала письмо Б.Н. Ельцину с просьбой возобновить эти передачи. Ко мне присоединились мои друзья. Передачи не возобновились. 27 октября 1995 года я написала письмо Солженицыну, в котором выражала свое огорчение (более того — возмущение) тем, что нас лишили этих замечательных передач. Высказала предположение, что «дело тут во власти “денежного мешка”» (в ту пору телевизионные каналы финансировали Березовский и Гусинский).

2 ноября 1995 года мне позвонил вечером Солженицын. Он поблагодарил меня за «верные мысли», за «правильное письмо», сказал, что я права, полагая, что в отлучении его от эфира большую роль играет «власть “денежного мешка”». Я спросила: «“Денежный мешок” — это Гусинский?» Александр Исаевич ответил: «Гусинский здесь ни при чем, музыку заказывает Борис Березовский». С юмором он добавил, что отлучившие его от эфира освободили ему время для литературного творчества. Еще он сказал, что в стране есть покрунее беды, чем тот факт, что его отлучили от эфира. «Когда я бываю в провинции, ко мне подходят люди на улице и говорят, что они с интересом слу-

шают мои выступления. С провинцией у меня хороший контакт», — сказал Александр Исаевич. «В Москве у Вас тоже много сторонников, единомышленников», — ответила я. «А может быть, Вам возобновить практику выступлений в институтах Академии наук, как Вы это делали прежде? — спросила я. — Правда, аудитория куда меньше». Александр Исаевич ответил: «Нет, это было бы проявлением слабости. Отлучили от многомиллионной аудитории. И выступать перед группой ученых — это будет воспринято как слабость».

Я спросила, появилось ли что-то новое в печати из его произведений. Он ответил: «В “Литературке” был опубликован рассказ “Все равно”. И в “Новом мире” (1995, № 10) три рассказа». Поблагодарив его за информацию, я сказала, что ученые, став нищими, перестали выписывать толстые журналы. Но в библиотеке они доступны, я непременно прочитаю эти рассказы. Добавила, что я очень люблю его произведения (как большие полотна, так и «крохотки»). Александр Исаевич дал мне телефон Муниры, которая работала в его литературном представительстве. Еще раз поблагодарил меня за письмо. Я его — за звонок. На том и распрощались. Удивительно, что великий писатель земли русской находил время для писем и телефонных разговоров со своими читателями.

Сегодня в XXI веке порой приходится слышать, что не надо ворошить старое, беречь раны. Нет, надо помнить обо всем, что произошло с нашей страной, — и ее героические страницы, и трагические. Произведения Солженицына (и художественные, и научные) донесли правду об истории России современникам нашим. Благодаря Александру Исаевичу мы не будем наступать на те же грабли. Я надеюсь на это.

У меня четверо внуков. Я приобщаю их в XXI веке к творчеству Солженицына. Да и в школьную программу, к счастью, включены произведения мастера. Так что память о Солженицыне будет вечной в России, да и во всем мире.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Aleksander Solżenicyn i Rosyjska emigracja / red. naukowa M. Dąbrowska i P. Gluszkowski. Warszawa; Toruń: Instytut rusystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2018.